

Светлана Дубровская

**ДЛЯ РОДНЫХ
И ПОДРУЖЕК**

Светлана Дубровская

Для родных и подружек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36969820

ISBN 9785449323613

Аннотация

В этой книжке описаны реальные события, которые произошли с автором или свидетелем которых автор была. Имена персонажей рассказов изменены, за исключением истории «Дела давно минувших дней»

Содержание

Малая родина	5
Красивый, сволочь!	11
Ну ты и попал, мужик!	15
Судьба – это характер	19
Напрасны ваши совершенства...	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Для родных и подружек

Светлана Дубровская

© Светлана Дубровская, 2018

ISBN 978-5-4493-2361-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Малая родина

У каждого человека есть своя малая родина. Есть она и у меня. Моей малой родиной был мой двор – большой прямоугольник, огороженный пятью пятиэтажными краснокирпичными домами, построенными в 1928 году. Во всех корпусах было только несколько отдельных квартир, а остальные были коммуналки. Там в каждой комнате обычно жила целая семья: папа, мама и минимум двое, а чаще больше, детей. И количество ребятишек на моей малой родине было огромно. Родители их работали, и практически весь этот детский народ был предоставлен самому себе. Все свое свободное время ребята проводили во дворе. А где же еще? Играли в разные игры: в прятки, в казаки-разбойники, в классики, прыгали через веревочку, очень популярна была игра «Замри». Во дворе было полно интересных вещей. А что было делать дома? Современному человеку трудно понять, что возможна жизнь без телевизора, без компьютера, без интернета или мобильного. Но она возможна! Она другая, но насколько не хуже, а может быть, даже в чем-то и лучше, чем жизнь со всеми этими приспособлениями.

У нас во дворе были группировки, с кем-то мы дружили, а с кем-то враждовали. Иногда дрались, но жестокости, которую сейчас часто снимают на телефон, не было никогда. Максимум, что могло быть при драке, – давали кула-

ком по голове или по носу и надвигали шапку на глаза. Популярным был удар под зад коленкой. Если драка была очень острой, могли плюнуть друг другу в лицо или бросить грязью. Но количество дерущихся было всегда примерно одинаковое с обеих сторон.

Были и обидные прозвища. Была, например, Зойка-Сопля, Машка-Гнуля, Шурка-Крыса. Шурка-Крыса обладала необыкновенным талантом – она могла делать носом в снегу собачьи следы. И были они как настоящие. Так, как у нее, не получалось ни у кого из нас! Никакие тренировки не помогли нам достигнуть степени ее совершенства. Как мы ей завидовали!

В нашем дворе был человек, звали его Алексей Семенович, который умел делать добро. Он работал в домоуправлении, так тогда называлась эта организация, а как называлась его должность – не знаю. Он был душой нашего двора, моей малой родины. Он прививал ребятам любовь к труду, к дружбе, к своему дому и двору. Между первым и вторым корпусами был газон, в котором даже был фонтан. Воды в нем, правда, никогда не было, но мы им очень гордились. Под руководством Алексея Семеновича на газоне ребята посадили цветы, а вокруг него – деревья. У каждого дерева был свой опекун, который за ним ухаживал и вообще не давал его в обиду. Газон был очень приятный, а деревья радовали жильцов почти целый век. Однажды Алексей Семенович предложил сделать клуб, и под его руководством из грязно-

го, захламленного подвала создали клуб. Там ребята проводили много времени и даже ставили спектакли.

Как я уже писала, были у нас и группировки. В каждой группировке был свой лидер. У нас лидером была Лида, моя лучшая, обожаемая подруга. Она была года на три меня старше, командир и лидер по природе. И ей я, как и все прочие, подчинялась беспрекословно.

Мы с ней жили в одном подъезде, она на втором этаже, а я на третьем. У нас была отдельная трехкомнатная квартира, а она жила в одной комнате в коммуналке. У нее были две сестры, и в одной комнате они жили впятером. Наша семья выделялась не только тем, что у нас была отдельная квартира. Мы выделялись еще и тем, что материально жили гораздо лучше наших соседей. Мои папа и дедушка занимали достаточно высокие посты, мама тоже работала. В доме была домработница Феня. И у меня было прозвище «буржуйка», от которого я очень страдала. Тогда это было одно из самых ругательных слов. Во дворе был установлен ритуал, который меня освобождал от этого прозвища. Когда я утром выходила во двор, намытая, хорошо одетая и тщательно причесанная, я должна была заняться своим туалетом. Я должна была привести свой туалет в такое состояние, чтобы не выделяться среди своих подруг, чтобы они не чувствовали себя ущемленными. Меня обсыпали грязью, я тоже в этом участвовала. У меня было очень красивое зеленое с коричневым шерстяное трикотажное пальто и такой же

шляпа-пирожок, как тогда носили. Грязь на этом материале была не очень видна, и это меня очень расстраивало. Но проведенный процесс, взлохмаченные волосы и несколько грязных полос на лице вполне удовлетворяли моих подружек. И я становилась «Цветланой», почему-то они меня называли так. И «буржуйки» в этот день больше не было. Думаю, что этот обряд принес мне большую пользу в жизни. Во время этого обряда я просто хотела доставить подружкам удовольствие. Я не задумывалась, почему они это делали. Я просто шла им навстречу. И вот эта черта – идти людям, которые тебя окружают, навстречу, сохранилась у меня на всю жизнь. Я очень легко схожусь с людьми любого возраста и любого положения. Мне всегда хочется им сделать что-то приятное. И, как правило, устанавливаются хорошие отношения. А хорошие отношения с людьми, которые тебя окружают, – залог радости и хорошего настроения.

Из всех девчонок в нашем дворе я была единственная, к кому можно было ходить в гости. Мои родители против этого не возражали, а даже поощряли это. Мои мама и дедушка были необыкновенно добрыми людьми. У моего дедушки всегда карманы были полные конфет. И когда он появлялся во дворе, вся детвора, сбивая друг друга с ног, неслась к нему. Для каждой и каждого у него была конфета, доброе слово и либо поглаживание по голове, либо по плечу. Одним словом, какое-то доброе прикосновение. Он всегда говорил, что самое большое счастье в жизни – это делать

добро. И действительно, когда ты делаешь добро, на душе бывает очень хорошо.

А мама всегда угощала моих гостей фруктами, которых они дома никогда не видели. Некоторые впервые увидели и попробовали и мандарины, и бананы у нас.

А Лида изобрела хороший способ получать все, что она хотела. В комнате моих родителей стоял большой двухтумбовый письменный стол. Лида приходила ко мне в гости практически каждый день. Мне было лет пять-шесть, а ей около восьми. Мы залезали под папин стол, и начиналась сказка. Где-то Лида нашла малюсенький, красиво обточенный, ярко-зеленый кусочек стекла и сказала, что ей его дала очень маленькая девочка Галочка. И оказалось, что эта девочка живет у моего папы под письменным столом. Она общалась только с Лидой, и тематика была всегда одна и та же. Галочка хотела чего-нибудь покушать – то котлетку, то бутерброд, то что-нибудь еще. Пока я шла выполнять заказ, предыдущее было съедено. У маленькой Галочки с аппетитом все было в полном порядке. А у меня продолжала жить мечта, что когда-нибудь и я ее увижу. Но до сих пор этого так и не случилось.

Моей второй мечтой, которая, в отличие от первой, довольно часто осуществлялась, было желание разделить трапезу с Лидой и ее сестрами Ниной и Таней. Их мама утром, уходя на работу, оставляла им кастрюлю вареной картошки в мундире. Они ее чистили и, налив немного подсолнечного

масла, обжаривали. Это был обед. Меня приглашали к столу, только если я приносила три бутерброда, допустим, с бужениной, и три стакана компота. Ничего более вкусного, чем эта картошка, я в своей жизни не ела. Феня пыталась мне жарить картошку дома, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что я ела у Лиды.

Дружба у многих ребяташек нашего двора сохранилась на всю жизнь. Так было и у меня с Лидой. И хотя, как многие из нашего двора, она получила отдельную квартиру и уехала, мы с ней часто перезванивались и иногда устраивали встречи с народом нашего двора, нашей малой родины.

Эти встречи были необыкновенно теплыми и веселыми. Вспоминали нашу малую родину, и от этих воспоминаний на душе становилось очень хорошо.

Красивый, сволочь!

Типичный московский двор – четыре дома, огораживающие прямоугольник между ними. В середине – лавочки, на которых всегда кто-то сидит и обсуждает последние дворовые новости. И, как было раньше, когда не было не только интернета, но и почти не было телевизоров, все друг про друга знали. Да и обсуждать-то больше было нечего. И всегда был кто-то самый обсуждаемый. В этом дворе притчей во языцех была семья Васьки-слесаря. Анна Ивановна, одна из жительниц этого двора, вышла погулять. День был теплый, ласково светило солнышко. На одной из скамеек сидела какая-то женщина. И, невзирая на теплое и ласковое солнце, вся дрожала, как в ознобе. И горько плакала. Анна Ивановна подошла к ней и увидела, что это Таня, жена Васьки-слесаря. Она не узнала ее сразу, потому что раньше никогда не видела ее плачущей, такой жалкой и дрожащей. И дрожала она не от холода, а от рыданий. «Таня, ты что?» – спросила Анна Ивановна. «Он избил маленькую до крови и не дает ее мне», – сквозь слезы ответила Таня. Анна Ивановна, как и все соседи по двору, знала, что с пьяным Васькой сладу не было. Все его издевательства по отношению к себе Таня мужественно переносила, но тут ее малышка! Ее материнское сердце не могло этого вынести.

Таня с Васькой были женаты уже почти 14 лет, и малень-

ких он раньше никогда не трогал. И она не знала, что же ей теперь делать. На скамейке сидела безмерно несчастная женщина, которая не представляла, как помочь своему ребенку.

Татьяна работала дворником. Семья большая, шестеро детей с интервалом примерно в два года между следующим и предыдущим ребенком. И процесс увеличения семьи был в полном разгаре.

Татьяна была женщиной необыкновенной красоты. На нее оборачивались на улице. Огромные светло-голубые глаза, обрамленные темными пушистыми ресницами, соболиные брови, светло-русые пышные, чуть выющиеся волосы, которые она собирала в пучок на затылке, и один в один жемчужные зубы. У нее была стать королевы. Откуда? Кто ж знает. Муж ее Васька, иначе его никто никогда не называл, был ниже нее почти на голову, кривоногий, с жалкими остатками волос от прежней шевелюры, всегда пьяный. Одного взгляда на его физиономию было достаточно, чтобы понять, что больше всего на свете любит эта особь мужского пола. Его увлечение было полностью отражено на его сизо-синем опухшем лице с малиновым носом.

По закону бутерброда, все дети были похожи не на нее, а на папу. И когда она шла в окружении своих чад, такая статная, такая красивая, было совершенно непонятно, какое отношение имеют эти уродцы к этой роскошной женщине.

Правда, красивой она бывала не так уж часто. Сплошь и рядом ее лицо украшали большие синяки. Васька бил ее

нешадно и регулярно. Причина была всегда одна и та же – отсутствие водки. Заканчивалась водка чрезвычайно быстро, а у Тани далеко не всегда были деньги, чтобы купить новую порцию. Конечно, денег в семье было мало, а ртов, в которые нужно было что-то положить, – много. Васька практически не работал. Он то пил, то опохмелялся, то искал водку, то страдал от ее отсутствия и бил Таню, то искал новую порцию своего эликсира счастья. Надо было слышать ее голос, когда она его уговаривала подождать немножко: «Васенька, – иначе она его не называла, – подожди немножко, мне вечером заплатят, и я куплю тебе бутылку». Но Васенька не любил ждать. Чаще всего в такой ситуации он ей объяснял, что он по ее поводу думает, и сопровождал свои сентенции битьем.

Татьяна помимо своей основной работы бралась за любую другую, лишь бы платили. Она обстирывала половину двора, гладила белье, мыла полы и окна. И делала она все быстро и складно. Убиралась она и у нас. И каждый раз, когда она приходила с черно-синими подтеками под обоими глазами, моя мама ее спрашивала: «Сколько же ты все это будешь терпеть? Почему ты его не выгонишь?» Потупив глаза и помолчав некоторое время, она отвечала всегда одно и то же: «Красивый! Сволочь...»

У пословицы «Любовь зла, полюбишь и козла» есть продолжение: любовь пройдет, а козел останется. У Тани был тот редкий случай, когда остался не только козел, но и, по видимому, любовь, и любовь настоящая. За что она его лю-

била? Кто может ответить на этот вопрос? Это вечно пьяное, опустившееся, уродливое существо было для нее всем. Наверное, это и есть настоящая любовь, когда любят не за что-то, а невзирая ни на что.

Ну ты и попал, мужик!

Говорят, что лучше плохо отдыхать, чем хорошо работать. Это вряд ли можно считать аксиомой, ведь существуют трудоголики, они могут с этим не согласиться. Но никто не оспаривает утверждение, что нет ничего лучше, чем хорошо отдыхать. Это был именно тот случай. Две подружки, Катя и Нора, не просто хорошо, а очень хорошо отдохнули в доме отдыха на берегу моря. И было это очень давно, в 50-е годы прошлого века.

Все было чудесно, им всего по 18 лет, обе ничего, да и в той смене почти не было девушек, а парней уйма. Одним словом, они были нарасхват, что делало солнце более ярким, а воду – более ласковой. Одним словом, они были ужасно довольны. И вот что случилось в последний день их пребывания в доме отдыха.

Танцы закончились, и Кате вдруг пришла мысль пойти искупаться напоследок – фосфорнуться, как они это называли. Сказано – сделано. Катя, Нора и трое молодых людей направились к выходу из зала, как вдруг к ним подошел один из отдыхающих (они не были с ним знакомы, но знали, что он из их дома отдыха) и спросил, можно ли и ему пойти с ними. Они удивились, но, конечно, сказали, что можно. Ему было лет 45—50, и для них он был уже глубокий старик, что ему делать на море ночью? Но не откажешь же!

Вся команда вышла на набережную и отправилась к пляжу. Ночь была волшебная. Луны не было, но от этого только ярче сияли звезды на черном бархатном небе. Легкий теплый ветерок ласкал кожу. Очарование южной летней ночи вообще не поддается описанию. А какие запахи! И тихий плеск моря, иногда чуть-чуть заглушаемый потрескиванием цикад.

Наконец они подошли к пляжу. В конце его был маленький ресторанчик-поплавок, где можно было выпить домашнего вина и съесть очень вкусные чебуреки. Там еще были посетители, и ярко горели огни, окаймлявшие поплавок по периметру. Из-за этого внизу около полавка ничего не было видно. А молодежь именно там собиралась купаться, потому что всегда купалась там. Они начали раздеваться, и кто-то вдруг сказал: «Тут так темно, что пока мы будем плавать, нашу одежду украдут». «Меня это не пугает, – сказала Катя. – У меня такой старый сарафан, что завтра, рассмотрев его при свете, мне его вернут. Да еще боюсь, что отлупят за то, что из-за такого тряпья они нарушили закон». И с этими словами она и ее молодой человек пошли в море. Они уплыли не очень далеко, когда с берега стали доноситься какие-то странные звуки. Прислушавшись, они поняли, что их зовут обратно. Делать нечего, пришлось вернуться. На берегу они застали следующую картину: из всех оставленных там вещей на песке лежал только Катин сарафан. Нора стояла неподвижно, она была в шоке. Ребята молчали, а при-

мкнувший к ним отдыхающий делал круги по песку, вздрагивал и бил себя по бедрам, хватался за голову и шептал какое-то слово. Прислушавшись, они поняли, что это было слово партбилет. Все вещи украли. Очевидно, воры слышали то, что сказала Катя перед тем, как пойти купаться. Наверное, они ей поверили и ее сарафан не взяли. А у отдыхающего, который пошел с молодежью купаться (имени его они так и не узнали), в брюках был партбилет. И его тоже украли. Потеря партбилета в СССР считалась тяжким преступлением. И бедный мужчина был совершенно невменяем.

Что же делать? Кто-то предложил пойти в милицию. Но Нора сказала, что по городу в купальнике она не пойдет. «Надень мой сарафан, а я пойду так. Подумаешь, какое дело!» – сказала Катя. Нора надела Катин сарафан, и вся компания отправилась в милицию. Было уже поздно, и народу на улицах было мало, но те, кто их видел, удивленно обрачивались или даже останавливались. Четверо людей в купальниках, один из которых исполняет какой-то ритуальный танец, и одна очень грустная – было жалко украденного нового платья – в сарафане. Вдруг их новый знакомый остановился, схватился обеими руками за голову и вскрикнул: «Лера! Лера!» Никто ничего не понял. Его спросили, кого он зовет, и он заплакал. «Лера – моя жена, она беременна. И когда начнут разбирать дело о партбилете, выяснится, что его украли, когда я ночью с девушками пошел купаться. Она решит, что я ей изменял. Она никогда не поверит, что ниче-

го не было». Утешить его было совершенно невозможно, да и, в общем-то, он, наверное, был прав. А какая жена пове-рила бы?

И в это время они подошли к милиции. Там стали снимать показания. Начался просто цирк, очень похожий на миниатюру Жванецкого «Авас». Первую начали спрашивать Катю. «Что у вас пропало?» – «Ничего!» – «А почему вы голая?» – «Потому что моя подруга не хотела идти голой по городу, и я отдала ей свой сарафан». – «Так что же у вас пропало?» – «Ничего». – «А зачем же вы пришли в милицию?» И дальше по кругу. И длилось это достаточно долго. Но самое смешное началось, когда очередь дошла до будущего папы. Он говорил только одно, что нужно записать в протокол, что с этими девушками у него ничего не было. И когда он повторил это в пятый или шестой раз, один из милиционеров тихо, но убежденно сказал: «А зря! Они вполне ничего!» Хохот потряс всю комнату.

В конце концов все разъяснилось, и вся компания отправилась в дом отдыха. Оказалось, что в милицию они ходили не зря: воров в ту же ночь поймали и все вещи прислали в Москву. Как кончилось дело с партбилетом и беременной женой, никто так и не узнал.

Судьба – это характер

Оля любила ездить поездом. В купе было уютно. Как всегда, на столе изобилие продуктов: жареная курица, вкусные бабушкины пирожки, вареные яйца, фрукты и много еще чего другого. Она ехала отдыхать с мамой и бабушкой в Феодосию. Четвертым в купе оказался молодой человек, звали его Игорь, лет ему было 27—28, и он тоже ехал в Феодосию. Там должны были пройти соревнования по парусному спорту. Очень скоро они уже знали, что он чемпион СССР прошлого года по этому виду спорта. Он был невысокий, складный, со светлыми выющимися волосами и очень приятным лицом. Делать было нечего, и через два часа пути они уже знали друг о друге практически все. Он пообещал покатать всех на яхте, как только они приедут в Феодосию. И на следующий день Игорь повез Олю кататься на яхте. Катание на паруснике – это совершенно сказочное наслаждение. В абсолютной тишине, нарушаемой лишь тихим плеском воды за яхтой, она быстро и легко скользит по морской глади. Кажется, что ты попал в сказку. Будучи профессионалом, Игорь показал все, на что способна парусная яхта. То быстрое и плавное скольжение по прямой, то резкие повороты, то яхта почти лежит на боку. Словами это описать невозможно, через это надо пройти, чтобы это воспоминание осталось у вас на всю жизнь.

На следующий день они пошли на пляж, и тут Олю ожидало открытие. Когда Игорь снял брюки, она увидела, что у него по колено нет правой ноги. Там был протез. Он слегка прихрамывал, но ей и в голову не приходило, что у него нет ноги. Представить себе, что человек без ноги мог так ловко и быстро двигаться по яхте и управляться с парусами, было просто невозможно. А он спокойно снял протез и попрыгал к воде. Он был абсолютно спокоен! Какой же он молодец! Оля была потрясена. Люди с интересом смотрели и на него, и на нее. А он уже был в воде и чувствовал себя там как рыба. Он не испытывал никакого стеснения, во всяком случае, не показывал его, он не принимал никакой жалости. Он, наверное, потерял ногу на войне, конечно, страшная беда, но он справился со своим горем! Он победил! Он жил как здоровые люди. Чего ему это стоило, знал только он, и он не хотел, чтобы кто-нибудь еще был в курсе.

Он пробыл в Феодосии 10 дней и выиграл соревнования. Когда он был свободен, они гуляли, ходили на пляж, и он катал ее на яхте и смотрел на нее влюбленными глазами. Выяснилось, что он женат, у него есть маленькая дочь. Олина мама шутила, что у Оли новый поклонник, у него нет ноги, зато есть жена и ребенок.

Соревнования закончились, и он уехал. Увиделись они в Москве осенью. Он позвонил Оле и пригласил ее погулять в Сокольниках. Тогда везде было очень много нищих, и среди них были и инвалиды. Оля всегда им давала денег. Увидев

такую группу у входа в парк, она полезла в карман за деньгами. Игорь грубо схватил ее за руку и возмущенно сказал: «Подавать милостыню инвалидам – это преступление, ты превращаешь их в пьяниц. Просидев весь день где-нибудь на улице, он вечером может только пропить твои деньги. А ведь он может пытаться побороть свою беду и стать человеком, хотя, конечно, это нелегко. Но быть попрошайкой стыдно!» Он имел полное право так говорить и, конечно, был прав, но она, понимая все это, не могла не давать им денег.

Наступила золотая осень, и Игорь вдруг пригласил Олю поехать на яхте по подмосковным рекам полюбоваться осенней красотой. Она с удовольствием приняла это предложение. Поездка не вызвала ни у кого никаких вопросов. А ведь они ехали на два дня вдвоем с ночевкой. Не знаю, пустила бы я свою дочь в такое путешествие. А Олина мама пустила. «Конечно, поезжай», – сказала она.

Это была дивная поездка. Он знал все самые красивые места Подмоскovie и возил ее из одного в другое. Они проплывали какие-то сказочные заводи, удивительно живописные протоки, маленькие уютные бухточки, где от красоты просто захватывало дух.

На яхте была маленькая каюта с кроватью, там Оля проспала ночь, а Игорь спал на палубе. Они вернулись из поездки, наполненные красотой и поэзией. И на этом их встречи закончились. Остались только воспоминания о морской глади, о ласковом солнце, голубизне неба и золотой осени

на фоне заросших бухточек и чистой речной воды. Игорь оценил оказанное ему доверие. С ним, с молодым мужчиной, без звука отпустили молодую девушку. Он должен был быть на высоте, и он был! Помимо этого он еще был хозяин и проявлял всяческую заботу, чтобы его гостье было комфортно и уютно. И ей было!

Это была их последняя встреча. Но на всю жизнь у Оли осталось воспоминание об этой сказочной поездке и о сильном, волевом, настоящем человеке, который мелькнул в ее жизни. И когда ей было трудно в жизни, она вспоминала Игоря и говорила себе: «Он смог, и я смогу». И это ей много раз помогало.

Напрасны ваши совершенства...

Это была обычная вечеринка. Собирались, как всегда, у Риммы. У нее была по тем временам большая квартира – три комнаты, а самое главное – родители часто уходили в театр или в гости. Почему-то считалось, что собираться можно было, только когда родителей не было дома. Почему так – не знаю. Мы не делали ничего ужасного, но вечеринка могла быть только в «пустой хате», как это тогда называлось. Собиралось нас человек 8—10, девчонки и мальчишки, и было нам по 16—17 лет. Кто-то заканчивал школу, а кто-то был уже на первом курсе института. Мы танцевали, играли в бутылочку, рассказывали анекдоты, пили водку, но понемногу, две-три рюмки, пьяных обычно не было. Хотя, правда, очень редко, кто-то перебирал, и его приходилось отвозить домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.